

У Птицы снова зудели лопатки. Зуд был нечеловеческий: казалось, что под кожей ютится целый пчелиный рой — и все эти полосатые, мохнатые насекомые дружно дребезжат своими крылышками, стремясь вырваться на волю. Птица безуспешно пытался достать до невидимого улья, почесаться властью, но никак не мог и, перестаравшись с подобной акробатикой, едва не вывихнул плечо. У него не получалось взять в толк, что там могло так сильно чесаться — комаров еще не было, а мерзких жучков в его съемной квартире и подавно не водилось.

— Эй, Птица, идешь? — окликнули его из-за входной двери. От неожиданности он вздрогнул и прекратил свои провальные попытки почесать спину. Оглянувшись, крикнул:

— Бегу!

Он неаккуратно схватил с крючка в прихожей куртку, мельком глянул в зеркало и вышел из квартиры. Стоял позд-

неапрельский вечер, и около подъезда его встретил Илья, с которым они вместе учились на философском факультете. Он изрядно подустал ждать долго собиравшегося Птицу и успел спуститься.

— Копуша, — по-доброму кивнул он Птице и закурил сигарету. — В Яму или на Патрики?

— В Яму.

— Ну идем, — отозвался Илья. Он стряхнул пепел с сигареты и пнул подвернувшийся под носок кроссовки камешек.

Илья начал решительно пробираться сквозь толпы детей во дворе дома, которые уже вовсю предвкушали летние каникулы и явно плевать хотели на контрольные работы. Птица плелся за ним, засунув руки в карманы куртки. То и дело он неосторожно натывался на шумящих школьников. Илье приходилось оборачиваться, чтобы убедиться, что Птица все еще идет за ним и не застрял, вежливо пытаясь обойти очередного ребенка. Наконец выйдя со двора на оживленную улицу, Илья спросил:

— Ты чего смурной такой? Опять с Платоном беда?

Птица пожал плечами. Беды с Платоном у него были начиная с первого курса.

— Да спал не очень, снилась какая-то дребедень.

Илья хмыкнул, положил руку Птице на плечо и наклонился к нему, будто собирался поведать сакральную истину:

— Тебе бы поменьше загоняться.

Птица нахмурился, уставившись себе под ноги, и поджал губы:

— Я не загоняюсь, просто...

— ...некоторые люди ведут себя по-уродски, а ты никак не можешь смириться?

— Ну, в общем и целом, да, — согласился Птица.

— Понимаю. Но всех людей не исправить.

Птица кивнул, признавая поражение. Да, не исправить, это точно.

В Яме было, как всегда, не протолкнуться. Бетонный амфитеатр двадцать первого века был набит людьми, хотя не мог похвастаться ни гладиаторскими боями, ни философскими дебатами. Птица с Ильей нежно любили Яму. В их воображении они сами были античными философами, которые заявляются «пояснить за трагедию», что в конечном счете довольно быстро скатывалось если не в комедию, то в стендап точно. «Яму следовало назвать ульем», — рассеянно подумал Птица, мотнув головой и вдохнув чей-то фруктовый дым от электронной сигареты. Амфитеатр жил своей молодой и ни о чем не жалеющей жизнью, шумел десятками портативных колонок JBL, вокруг которых толпились люди. Из расположившейся рядом на Покровке пиццерии пахло горячей пиццей.

— Вон туда идем, — указал Илья куда-то в верхний ряд сбоку, углядев свободное место.

Они сели на деревянные доски, которые заменяли сиденья и спасали от холода бетона. Илья поджал под себя ногу, повернувшись к Птице:

— Ходили вчера с Лерой в Пушкин на Люсьена Фрейда, она так ругалась, ты бы слышал!

— На Фрейда? — уточнил Птица.

— Да не, на организацию выставки и на инфраструктуру Пушки в целом. Она же у меня из этих, — любовно описал он головой круг и мечтательно улыбнулся. — Из искусствоведок.

Птица рассеянно кивнул. Истории про девушку Ильи Леру-искусствоведку — обязательно с феминитивом! — он слушать любил, хотя и не всегда понимал, чем провинились музеи, выставки и кураторы — все вместе взятые. В Пушки он был всего раза два, смотрел на античные слепки и вглядывался в малых голландцев, представляя себя крошечной фигуркой в скрупулезно выписанном пейзаже.

От мыслей о голландцах его отвлек звук с ряда выше, где царил настоящий балаган. Там толпились уж очень шумные ребята, они о чем-то спорили, их голоса звучали пьяно и эхом раскатывались по Яме, звонко отскакивая от бетонных поверхностей. Птица хотел бы не вслушиваться в хмельные диалоги, но компания повышала голоса все больше и больше.

— Вот я работаю в автосервисе, устаю, делаю — ик! — настоящее дело, а она отсиживает свою жопу дома, пялится в экран компа, она у нас, видите ли, эсэмэщица! — с раздражением и сарказмом сказал один из парней. Они были чуть постарше Ильи и Птицы, а говоривший, которого Птица мысленно успел обозвать «настоя-я-а-ащий мЕхАнИк», размахивал во все стороны полупустой бутылкой пива, направляя горлышко, как микрофон, к своим, так сказать, коллегам по диалогу. Коллеги ожидаемо поддакивали, хотя по высокому хлипкому парнишке — похоже, самому трезвому из компа-

нии, который стоял на краю ступеньки, явно было видно, что не только некая эсэмэмщица механика проводит дни и ночи, уставившись в синий экран.

Птица с Ильей переглянулись, поморщившись из-за претензии к эсэмэмщикам. Они, учась на третьем курсе философского факультета, шутки про «Макдональдс» и «ненастоящую работу» в соцсетях слышали чаще, чем «приветкадела». Птица чуть наклонился к Илье, покосился в сторону пьяной развеселой компании:

— Не понимаю, зачем шеймить людей за их работу.

Илья пожал плечами. Он спокойнее относился к окружающим и их причудам, а Птица никак не мог допереть, что это: равнодушие или волшебное умение не принимать всякую чепуху близко к сердцу. «Мама всегда мне говорила, Птица, дураков много, а жизнь одна. Я лучше буду стараться жить эту жизнь, чем обращать внимание на дураков», — объяснял обычно Илья. Птица понимающе кивал, пытаясь вспомнить, говорила ли ему мама что-то подобное, но продвинуться дальше этой попытки не мог.

— Прикиньте, вот она сидит на балконе, ноги свои длинные раскинула и клекает сторис в инстаграм!* — продолжал механик, кривляясь и выпучивая глаза на словах «сторис» и «инстаграм». — Я ей говорю: «Кать, ты че, сколько можно торчать в телефоне? Иди ужин приготовь, я жрать хочу».

* Деятельность продуктов компании Meta (Instagram и Facebook) запрещена на территории РФ.

А она мне что? «Милый, я еще работаю, закажи “Кухню на районе”». Работает она! Тоже мне работа.

Птице становилось все неудобнее сидеть и делать вид, что он ничего не слышит. Плечи его напряглись, он весь сжался. Не выдержав, он снова обратился к Илье:

— По-моему, Кате надо ливать.

Илья кивнул в ответ. Разглагольствовать не хотелось: механик уж больно угрожающе размахивал бутылкой, а стайки людей вокруг них начали потихоньку разбежаться со ступеней. Илья дотянулся до Птицы, схватил за локоть, собираясь под шумок последовать примеру остальных и уйти куда-нибудь на пруды, но, только он начал подниматься, совсем рядом с ними раздался голос механика:

— Э, кому тут «ливать» надо? На каком языке ты разговариваешь, говори по-русски.

Механик явно обращался к ним, спустившись еще на ступень. Илья закатил глаза, повернулся к Птице и поджал губы. «Ну ты как всегда», — говорил его недовольный взгляд.

— Нам надо ливать, то есть я имею в виду «уходить». Простите, русский неродной, мы из Англии, — сделал попытку отшутиться за двоих Илья, но механик отсылки не понял.

— Он у тебя отбитый, что ли? — продолжил механик, кивнув в сторону Птицы. — Дохлый голубь какой-то, одни кости торчат, бормочет чего-то про меня. Эй ты, да, я с тобой разговариваю, ты глухой? Тебя в детстве головой уронили?

Птица нахмурился, нервно и быстро пожал плечами. Механик не затыкался:

— Че, не знаешь? Ты че, приемный?

Птица во все глаза таращился на грузного парня. Непонятный колокольчик упрямо звенел в его голове, а лопатки снова зачесались. Казалось, его и правда торчащие кости сейчас продырявят тонкую кожу на спине, вылезут наружу.

— Чувак, прости, у моего друга просто обостренное чувство справедливости, — попытался сгладить ситуацию Илья, мирно поднимая руки и вставая с деревянной сидухи. Очередная неловкая шутка механику не зашла.

— А за себя твой друг говорить умеет или зассал?

Птица нетвердо поднялся на ноги, стараясь не обращать внимания на звон в голове, и искренне ответил:

— Да, простите, но я не понимаю, что не так. Мне кажется странным осуждать профессии других людей, тем более если это не просто случайные люди, а ваша девушка.

Вместо ответа ему в скулу уже летел кулак.

Птица проваливался сквозь белую вату. Нет, не вату — та материальная, плотная, ее запросто можно потрогать. Кажется, это были облака, но он не знал этого наверняка. Он чувствовал, как промокал до нитки. Одежда неприятно липла к телу, пряди волос, которые обычно торчали во все стороны, некомфортно приклеились ко лбу, а что-то огромное и массивное за его спиной становилось тяжелее с каждой секундой падения и тянуло вниз.

Он оглянулся — и, если б мог, шарахнулся бы от испуга, но сделать это в падении не получилось, да и некуда было бежать: за его спиной трепетали огромные маховые крылья. Наверное, они когда-то были красивы, пушисты и легки, но плотные облака, тяжелые от воды, намочили их от и до, склеили между собой перья, как будто не вода это была вовсе, а резко пахнущий, густой клей ПВА. Дождевая вода, не успев пролиться на землю, отыгралась на Птице, превратив его белоснежные

двухметровые крылья в грязно-серый обвисший бюджетный косплей, тянущий к земле. Он продолжал падать.

Птица резко открыл глаза и, поморщившись, сел. Он перхнулся, закашлялся, пытаясь сориентироваться в пространстве, и тут же почувствовал чью-то теплую ладонь на локте.

— Птица, ты как? — услышал он голос Ильи. Зрение приходило в норму, но у него все не получалось сбросить с себя остатки странного видения. Сна? Галлюцинации? Он даже не знал, что это было. Ему все казалось, что он падает, встать на ноги не выходило даже с помощью Ильи, который тут же бросился его поднимать с холодной ступеньки амфитеатра. Птицу тянуло вниз. Он почти чувствовал, как с него капает дождевая вода, слышал мерное кап, кап, кап. Он помотал головой в надежде стряхнуть навязчивый морок, но тот намертво осел в нем, утягивая за собой.

— Что случилось? — спросил Птица, поворачиваясь к Илье.

— Тот придурок залепил тебе в лицо. Синяк завтра будет грандиозный, я уже сейчас это вижу. Прости, я и не думал, что он тебе вмажет. Был уверен, что только побуллит, как обычно у нас с тобой бывает, — ответил Илья, виновато поджимая губы и все еще крепко держа Птицу за локоть.

— А куда он делся-то?

— Свалил, как только ты упал и потерял сознание. Ты как? — повторил свой вопрос Илья.

Птица неуверенно кивнул, дотронулся до скулы, и та тут же отозвалась резкой болью. Птица болезненно поморщился.

— Думаю, надо идти домой.

— Давай провожу, — предложил Илья. Голос его звучал растерянно, как у провинившегося школьника, который по глупости пропустил назначенную его другу стрелку за школой после уроков.

— Тогда до «Пятерочки» во дворе, зайду за чем-нибудь холодным. А там до дома и сам дойду.

— Договорились. Прости еще раз.

Птица отмахнулся. Он чувствовал, что когда-нибудь его длинный язык доведет до синяков, но уж точно не ожидал, что это произойдет сегодня.

Птица с Ильей молча шли по китайгородским улочкам. Засунув руки в карманы, они поднимались на один из холмов, на которых была построена Москва, дышали непривычно теплым апрельским воздухом. Глубоко внутри Птица вскользясь порадовался, что не подвержен сезонным аллергиям на цветение, разогнавшим многих знакомых по тесным съёмным однушкам в Чертанове и на «Южной».

«Если не трогать лицо, то вполне сносная весна», — подумал Птица, улыбнувшись. Об улыбке он тут же пожалел — наливающийся синяк был против, чтобы о нем так быстро забыли.

Справа от тротуара, во дворах, цвела черемуха — ее длинные ветви, обильно заросшие бутонами, клонились к прохожим. Птица бездумно проводил рукой по цветам над головой, пока шел мимо, пачкался в желтой пушистой пыльце, а белые лепестки, не удержавшись, падали ему прямо на волосы и осе-

дали на плечах. Странный какой-то апрель, думал Птица. Не время для цветов. Мысли его перескакивали с темы на тему, не желая замедляться. Он совсем не злился на механика и был этому удивлен. Механик казался ему глубоко несчастным человеком, не способным направить свой гнев на что-то хорошее, и Птице было его жалко. Еще больше ему было жаль эсэмэшницу Катю, о которой он совсем ничего не знал — только надеялся, что у нее все будет хорошо.

«Тебя в детстве головой уронили?» — пронеслись у него в голове слова механика. Птица прикрыл глаза, пытаясь отогнать навязчивые вопросы. «Ты че, приемный?» Да нет же, не приемный, думал он. Не приемный. Моя мама вот...

— Дошли, Птица, — окликнул его Илья, махнув головой в сторону мерцающего красным лого «Пятерочки». Поток мыслей застопорился.

— Спасибо, что проводил.

— Без проблем. Купи замороженную курицу, что ли, для синяка. Заодно будет что сожрать потом, — подмигнул Илья.

— Ага, — слабо улыбаясь, отозвался Птица. Илья похлопал его по плечу и пошел в сторону своего дома через дворы. Птица посмотрел ему вслед, дождался, пока широкая спина друга скроется за углом, глубоко вдохнул весенний воздух и пошел в магазин.

После душноватого воздуха, пылью оседающего в легких, холодильники в супермаркете обдали Птицу приятной прохладой. Он улыбнулся краем губ и с наслаждением выдохнул — его разбитая скула говорила ему спасибо за поход в магазин.

Какое-то время он бездумно бродил по отделам, пропитывался освежающим воздухом, не искал ничего особенного. Ему нравилось ходить в супермаркеты: они казались местом без времени, в котором стрелки на круглых белых часах застыли и решительно не желали двигаться дальше. Телефон Птицы обычно отказывался ловить хоть какой-нибудь сигнал в местной «Пятерочке» у дома, и это еще больше замораживало время. Свет в магазине всегда был равномерно холодным, кассиры пробивали продукты, пиканье раздавалось через равные промежутки времени, и все это погружало Птицу в приятный транс.

Из мечтательной полудремы его выбила проходившая мимо женщина, случайно задев слишком тяжелой тележкой с неисправным передним колесиком. Тележка шаталась туда-сюда, наполненная продуктами, а колесико не выдерживало, сопротивлялось, цепляясь за сколотые плитки на полу.

— Ой, простите, пожалуйста, — пробормотала в его сторону женщина, поспешив на кассу. Птица посмотрел ей вслед. «Наверное, она очень устает на работе», — почему-то подумал он, окинув взглядом ее ссутуленную фигуру в изрядно помятом коричневом костюме, пучок с выпадающими из него унылыми седеющими прядями и сумку, ручки которой женщина нервно поправляла то и дело, пытаясь не дать ей упасть с плеча.

Наконец Птица вспомнил изначальную цель и отправился на поиски замороженной курицы. Идея Ильи и правда была неплоха, да и еды у Птицы дома почти не осталось. В холо-

дильнике с заморозкой он взял первую попавшуюся тушку и пошел в сторону кассы, окидывая взглядом полки по сторонам. Шагая, он машинально прижимал к себе курицу, которая уже начинала подтаивать в его теплых руках. Рядом с йогуртами он вдруг замедлился. Этот отдел был его любимым, и он неоднократно рассказывал одноклассникам, что больше всего в продуктовых он любил холодильники, сверху донизу забитые йогуртами. «Вы ничего не понимаете! — говорил он, когда те начинали смеяться. — Столько разных йогуртов изобретается каждый месяц, что для них даже сделали целый отдел в магазинах! Я каждый раз выискиваю что-то новое. Вот вы пробовали тот, который с мармеладками? Гениальное изобретение человечества, я считаю». Да, разнообразные воздушные и не очень творожки были его страстью, правда, не все друзья разделяли эту одержимость.

Погрузившись в йогуртовые мечты и закусив губу, он открыл прозрачную дверцу холодильника, достал с полки глиняную баночку с округлыми боками и задумчиво принялся читать этикетку. Курица продолжала таять, капая конденсатом на его джинсы и кремовый плиточный пол.

— Как вам сюжет?

В мерном жужжании морозильников и длинных ламп на потолке голос рядом с Птицей прозвучал слишком громко. Он растерянно поднял глаза, все еще подпирая правым плечом дверцу холодильника и держа в руке йогурт. Он вынырнул из мелких букв на пластиковой баночке и сразу же

почувствовал себя чересчур материальным. Курица в левой руке как будто разом отяжелела, и он ощутил, как холодные капли липко стекают по пальцам.

Напротив него стояла высокая девушка с короткими вьющимися волосами. Облокотившись на тележку с продуктами, она катала ее взад-вперед ногой в черной кроссовке и терпеливо ждала его ответа.

— Простите? — переспросил Птица, чувствуя себя полным дураком.

— Говорю, как вам сюжет йогурта? Вы так внимательно читали, будто это научная фантастика. — Она чуть приподняла брови. Птица еще секунду нахмуренно смотрел на девушку, не понимая, к чему она, а затем весь сразу всполошился, замотал головой, открывая и закрывая рот, как рыба, которая недоуменно плывет на рыбацкий крючок в воде и не может решить, это еда или уловка.

— Простите! — еще раз сказал он чуть громче прежнего. — Я... йогуртовый фанат, увлекся.

Он вцепился в баночку йогурта с кокосом — такого он еще не пробовал, — отошел от холодильника и придержал прозрачную дверцу, перехватив ее рукой. Соврать о своем фанатстве он не успел. Девушка улыбнулась ему, снисходительно поблагодарив. «Наверное, думает, что я социально — и не только социально — неприспособленный», — мелькнуло в голове у Птицы. Она выбирала между йогуртом с киви и творожком с малиной, задумчиво прикасаясь то к одной баночке, то к другой.

— Как человек с пи-эйч-ди по йогуртам, может, посоветуете, какой вкуснее? Никогда не могу быстро выбрать, — сказала она, повернув голову в сторону Птицы и внимательно разглядывая его сквозь стекло.

«Почему я все еще не ушел?» — обреченно думал Птица.

Он сконфузился, явственнее ощущая тающую курицу в руке, но все еще не находя в себе сил просто взять и уйти.

— С малиной. В этом йогурте киви на вкус не очень, — ответил он девушке, неловко улыбнувшись.

Она хмыкнула, уверенным жестом отставила в сторону йогурт с киви и потянулась закрыть холодильник, дверцу которого все еще придерживал Птица.

— Спасибо. Думаю, больше можно не держать, — подмигнула она ему. Птица отпустил дверь. — Хорошего вечера!

Она покатила тележку вдоль прохода, обернулась на Птицу и, улыбнувшись, кивнула ему. Над ее головой потрескивали длинные белые лампы. Птица хотел было помахать ей, уже поднял руку, но, в очередной раз забыв о злосчастной курице, упаковка которой явно была набита лишним и предательски быстро тающим льдом, перевел на нее взгляд и поджал губы. «Черт-те что, а не прощание», — думал он. «Предательница», — послал он мысленный сигнал курице. Та предсказуемо не ответила. С секунду поколебавшись, Птица все же решил обменять растаявшую курицу, с которой так долго бродил по «Пятерочке», на новую. «Ничего плохого я не делаю», — думал он, кладя несчастную тушку обратно в морозильник. С девушкой, присудившей ему докторскую

степень по йогуртовому делу, Птица не встретился ни на кассе, ни на выходе из магазина.

У подъезда Птицу нагнал ливень. Едва он успел забежать под старый, рассыпающийся крошкой козырек, небо прогрело, налилось сливовой чернотой и обрушилось стеной дождя на московские дворы. Какое-то время Птица продолжал стоять под козырьком, вслушивался в барабанные по нему капли, вглядывался в синие тучи и хмурился вместе с ними. Со вспышкой молнии ему показалось, что земля под его ногами проваливается, обращается в глубокую яму. Перед глазами все поплыло, а пчелиный улей между лопатками снова ожил и зажужжал. Он мотнул головой, побряцал по кнопкам домофона и нырнул в темную сырость подъезда. Весной все подъезды вдруг превращались в погруженные в темень и холод погребки, где так хорошо перевести дыхание после уличной духоты. Один пролет ступенек — и он уже оказался в квартире. Коридор в ней был длинным, будто безуспешно пытался компенсировать малюсенькие комнаты и кухню, в которой и один человек с трудом мог развернуться.

Не включая свет и небрежно скинув кеды в коридоре, Птица прошел на кухню и запихнул курицу в морозилку, а баночку с кокосовым йогуртом — в холодильник. Надо подождать, пока курица подмерзнет, и можно будет приложить ее к своему многострадальному избитому лицу. Его еще никогда не били, даже в детстве он обычно... Что «обычно»?

Птица споткнулся об эту мысль, свел брови к переносице и, забравшись с ногами на табуретку, неудобно прислонился спиной к жестким ребрам батареи. По старому облупленному карнизу подоконника продолжал барабанить дождь. Птица в апрельских потемках крутился от мысли к мысли, а его сердце колотилось о грудную клетку. Он ни черта не понимал. Образы, казалось, терялись на полпути, странно блуждали между книжными стеллажами его памяти, а он, как ни старался, никак не мог прочитать ни одного названия на корешках вспоминательных книг. «Походу, механик мне неплохо вмазал», — мелькнула у него догадка. Пора было спасти лицо холодом, а гудящую голову — сном.

Первое ледяное прикосновение куриной тушки к лицу проникло под кожу новокаином, заморозило, притупило расцветающий синяк. Птица поморщился, так и продолжая скрючившись сидеть на табуретке, пока курица, размораживаясь, не начала капать и опять портить его джинсы. Он немного потерпел, прикрывая глаза, а затем отнял от лица тушку, мысленно прикидывая, сколько дней у него получится питаться этой курицей и не покупать вредную, но такую любимую китайскую лапшу с экстраострыми приправами.

«Завтра сделаю суп, а потом остатки можно пожарить и навернуть шаурмы», — рассеянно думал он. Да, это звучало как рабочий план. Птица отправил куриную тушку морозиться дальше, а сам побрел в комнату, чтобы наконец упасть на кровать, завернуться в одеяльно-подушечный кокон

и совсем чуть-чуть пожалеть себя и свой дурной язык, который в очередной раз не удержался и что-то ляпнул перед сомнительными незнакомцами.

Пуховое одеяло заглушало ливень за окном, погружало в защитный вакуум, и Птица не заметил, как начал засыпать куда раньше привычного времени. Его скула ныла, наливаясь фиолетовым синяком. Хотелось угнездиться поудобнее и перевернуться на другой бок, но перспектива впечататься пострадавшим лицом в подушку его не воодушевляла. Сквозь дрему он недовольно посапывал, сворачивался улиткой, поджимая ноги. Голова у него кружилась вертолетами. Уже проваливаясь в сон, он смутно подумал, что так после удара не должно звенеть в мозгу, но и эту мысль додумать не удалось — он уснул.

Его сны почему-то пахли сигаретным дымом и мокрым асфальтом после осеннего ливня. Он снова очутился в облаках — на этот раз пушистых и белых. Они забавно пружинили под его ногами, как будто он пытался ровно и четко вышагивать по батуту, но вместо этого подпрыгивал.

«Смотри, что я тебе припас», — услышал Птица позади себя голос. Он обернулся, и все погрузилось в туман. Разглядеть говорящего не получалось. Все, что он видел перед собой, — протянутую руку, держащую пачку сигарет. Птица непонимающе, на автомате перехватил чуть помятую пачку, а она неожиданно потяжелела, как будто стала весить пару тонн. Птица, не удержавшись на ногах, ухнул вниз через пружинистое белое облако, все еще сжимая в ладони дурацкую

пачку. За спиной послышался шум стаи птиц, вдруг одновременно затрепетавшей крыльями, но, обернувшись, Птица увидел, что не их это крылья, а его. Его сердце забилося бегущим марафонцем, в голове загудело, и вот он уже проваливался сквозь первое налитое темной водой дождевое облако — снова.

Разбиться о сонную землю он не успел, резко подскочив на кровати. В ушах у него звенело, он весь вспотел и тяжело дышал, как будто сам, вместо своего нервного сердца, пробежал марафон. Ему все чудилось, что в комнате накурено, но такого быть попросту не могло, твердило ему сознание, он же не курит, да и квартира съемная, нельзя тут курить. Дрожа, он потянулся за телефоном, едва не промахнувшись, тыкнул в единственную кнопку и уставился на время — 3:52, еще не светало, и до пар в универе еще можно было поспать. Сон не шел. Ему казалось, что он задыхается, а откуда-то из желудка к горлу поднималась паника. «Я в порядке, я в порядке», — твердил он себе, чуть раскачиваясь на мокрой постели. «Надо охладиться», — подумал он и, путаясь в одеяле, вылез из кровати.

Постельное белье вместе с потной футболкой он сразу же сгреб в кучу и закинул в корзину в ванной, а сам залез под холодный душ. Руками он попытался закрыть лицо, успокоиться и хотя бы раз за последние двадцать минут ровно вдохнуть и выдохнуть, но и этого у него не получилось: за часы беспокойного сна синяк на лице успел налиться и пульсировал болью. Птица поморщился и шумно выдохнул.

«Да черт возьми, что ж такое», — мелькнуло у него в не прекращающей болеть голове. Он уже начинал злиться: на себя, на свое тупое чувство справедливости и неумение вовремя заткнуться, на механика и его тяжелую руку, на Илью, что никак не заступился, на других людей, которые точно так же, как он, тусили в Яме, слушали бла-бла-бла от механика, тихонько про себя возмущались и продумывали гневные посты для фейсбука*, но ничего вслух не сказали и трусливо разбежались по другим ближайшим локациям. Ну и дурак же он — так подставляться.

Совсем раздраженный, Птица вылез из душа, чуть не поскользнувшись на мокром кафеле — он так и не удосужился купить коврик для ванной, после того как въехал в эту квартиру три... четыре? Сколько лет назад? Птица чувствовал, будто у него нет кожи, а если и есть, то совсем тонкая, полупрозрачная, как у людей-бабочек — чуть тронь, и порвется. Каждый звук он слышал на повышенной громкости: капающий в раковину ржавый кран, потрескивающую лампу без плафона над зеркалом, вентиляционную вытяжку в потолке, перемалывающую душный влажный воздух. У него было ощущение, как будто все его чувства выкрутили на максимум, и для него это было чересчур много, его разрывало изнутри от переизбытка. В придачу к голове резкой болью дернуло

* Деятельность продуктов компании Meta (Instagram и Facebook) запрещена на территории РФ.

между лопаток, будто целый пчелиный улей, жужжавший у него в спине уже несколько дней, вдруг порвал кожу и вырвался на свободу.

Уставившись в зеркало, Птица понял, что плачет, а на скуле у него неприглядной кляксой отпечаталось пятно свежего синяка. «Господи, да что такое, — продолжало крутиться у него в мыслях. — Пожалуйста, прекрати». Он схватился за голову и крепко зажмурился.

Сколько он уже живет в этой квартире? Сколько? Сколько?

«Пожалуйста, хватит».

Внезапно наступившая тишина застала его врасплох. Шум прекратился, боль в теле показалась тенью, невзначай легкой на него и тут же исчезнувшей. Он медленно поднял глаза на свое отражение — бледное, заплаканное, с торчащими мокрыми лохмами волос.

«Я ничего не понимаю».

Птица качал головой, все еще уставившись на своего зеркального двойника и вцепившись ладонями в края раковины. Все затихло. Чувствуя себя ужасно беспомощным, он судорожно выдохнул и прижал ладонь к горячему лбу. Он испытывал необъяснимый страх, который кошкой сворачивался

прямо в его кишках и больно царапал внутренности, кусал легкие так, что было нечем дышать. «А вдруг у меня сотрясение? Да нет, не может быть, не так уж сильно механик меня ударил», — думал Птица. Снова покачав головой своему отражению в зеркале, он наспех вытерся полотенцем и побрел обратно в комнату — попробовать поспать хотя бы несколько часов перед парами.

До звонка будильника на телефоне Птица балансировал между сном и явью: никак не мог нормально уснуть, то и дело ворочался на голом матрасе — перестелить постель сил не было. Выключив трезвонивший будильник, он уставился в потолок, сложив руки на груди. Он не мог объяснить себе, что произошло ночью и было ли это исключительно из-за того, что ему неплохо вмазали предыдущим вечером, или у него начинаются самые настоящие беды с башкой.

Птица на пробу поморщился, попробовал улыбнуться, проверяя, как там его несчастная скула. Эта идея оказалась неудачной — при первом же движении он ойкнул и пожалел о своих непутевых проверках. Если синяк расцвел уже в четвертом часу утра, страшно представить, как он выглядит спустя еще несколько часов.

«Не выпендривайся, мы же все равно пойдем на пары, даже если синяк на пол-лица. Если пропустим Платона, потом опять будем страдать», — попытался втолковать он сам себе. Мы — это Птица и его раздвоение личности, как он любил говорить окружающим. В мы-обращении к себе было что-то

успокаивающее, как будто он относился к себе бережно и уговаривал себя, как родители в детстве, когда он... Минуточку. Когда он что?

Птица с трудом выволок себя из кровати и, накинув на плечи одеяло без пододеяльника, поплелся на кухню в попытках продрасться через эту мысль. Родители. Он как будто снова шарахался по библиотеке памяти, безуспешно пытаясь найти семейный фотоальбом. На автомате он поставил чайник на конфорку, та пискнула синим газовым огоньком, тут же облизывая дно чайника с остатками вчерашней воды в нем. В мысленной библиотеке Птица наконец-то дотянулся до слишком высоко стоящего родительского альбома и открыл его. Пустые страницы издевательски всколыхнули воздух, выдыхая Птице в лицо книжной пылью. Его сердце потяжелело. Он не помнил ничего о своих родителях.

Он отошел от плиты и бессильной, ничего не понимающей лужицей стек на табуретку. Одеяло спало с его плеч, он крепко прижал ладонь к бешено стучащему сердцу. Оно никак не замедлялось, не останавливалось, и ему стало казаться, что в легких резко закончился воздух. Кошка страха снова топталась по его внутренностям, на этот раз пытаясь поточить когти о его легкие, которые норовили лопнуть, как хлипкий воздушный шар. Птице вдруг стало тесно в собственной коже, а одеяло, болтающееся где-то на уровне его локтей, камнем потяжелело и придавило его к табуретке. Вынырнуть в материальную реальность, если он как без году

дипломированный философ вообще мог ее так назвать, ему помог свисток бурлящего чайника.

«Это точно сотрясение, — отстраненно решил он, заваривая дешевый растворимый кофе в сколотой на ободке икеевской кружке. — Я просто узнаю у Ильи про родителей. И заодно попрошу сходить со мной в травмпункт, да. Лишним не будет».

Опомнившись, что заварил кофе раньше, чем умылся и почистил зубы, он выругался вполголоса и, оставив дымящуюся кружку, пошел восстанавливать свой утренний ритуал в правильном порядке, чтобы хоть как-то умерить тревожность.

Синее пятно на скуле было великолепно — чернильная лужица из кабинета психотерапевта, в которой он видел грозное облако. Птица бессильно соорудил клоунскую рожицу своему отражению в зеркале и потыкал синяк пальцем. Каждый тычок болью отдавался в его затылке, а по телу проносились мурашки. «Почему я просто не мог заткнуться, господи, — в очередной раз задавался он вопросом и тут же колко сам себе отвечал: — Потому что у тебя язык без костей. Вот и мучайся теперь».

Плебейский завтрак, как его называл Птица, состоящий из растворимого кофе и бутерброда с плавленым сыром, он прожевал на автопилоте. Вся дорога до универа прошла в таком же состоянии. Птица усиленно старался ни о чем не думать, чтобы не перенапрягать свою прилично стукнутую голову. Не хватало еще словить очередной непонятный припа-

док в заполненном утреннем автобусе или на пешеходном переходе напротив университетского кампуса в районе Старой Басманной.

— Эй, Птица, иди к нам! — послышался голос Ильи со стороны импровизированной курилки у главного входа в кампус. Птица, вытянув шею, чтобы разглядеть, кто стоит рядом с Ильей, улыбнулся в ответ и поспешил к ним, лавируя между мельтешащими студентами разных факультетов, которым, как и ему, было ко второй паре. Курилка — точнее, угол между корпусами университета рядом с лестницей главного входа — тонула в тяжелом дыму. Это, наверное, Лиза опять приволокла свои любимые гвоздичные сигареты, дым от которых был на порядок неприятнее того, что курил Илья.

— Герой вернулся с битвы за честь фрилансеров! — ода-рила его улыбкой Лиза и подмигнула, сжав его руку повыше локтя.

— Да, привет, — неловко улыбнулся ей в ответ Птица, опустив глаза. Он не всегда понимал, шутят ли его друзья или серьезно относятся к его обостренному чувству справедливости. — Илья уже растрепал все?

— Мы делали ставки, насколько плохо будет выглядеть твое лицо.

— И как оно?

— Ужасно, Птица, — сказал Илья, внимательно всматриваясь ему в лицо, и с беспокойством добавил: — И бледный ты какой-то. Ты башкой не ударился, когда упал?

— О, а вот про падение я почему-то не знала! — обвинительным тоном заметила Лиза, выдыхая гвоздичный дым в лицо Илье.

— А это уже другая история, Лизонька, — ответил Илья, положив руку ей на плечо. Краем глаза он тревожно поглядывал на Птицу, тот отводил взгляд, нервозно почесывая нос. — Птица, есть дело.

Решительный тон друга не сулил ничего хорошего, но Птица был даже рад такому Илье и его постоянной уверенности. Для Птицы Илья всегда был надежной опорой в жизни. Он всегда был готов помочь, подсказать и выручить из неловких социальных ситуаций. Илья твердо разбил их философический кружок и потянул за собой Птицу, отводя в сторону. Лиза окинула их странным взглядом, но быстро вклинилась в стоящую рядом компанию их однокурсниц — те бесконечно обсуждали Платона и высшую математику, которую точно впили в программу курса только для того, чтобы испортить им жизнь.

Илья завел Птицу за гранитную колонну, которая подпирала нависающий объем здания кампуса, и только тогда остановился. Толкнув Птицу к колонне, Илья пристально взгляделся в его лицо.

— Что такое? Ты очень бледный. Может, надо было еще вчера в травмпункт завалиться? — спросил он, хмурия брови.

Птица замялся, повел плечами, но все же решил ответить. Все-таки он сам хотел просить помощи у Ильи.

— Да я... Что-то мне нехорошо было ночью. Накрыло хрен знает с чего, опять эти кошмары дурацкие, — поморщился он, чувствуя себя неприятно беспомощным. — И я...

Он замолчал, прикусив губу, не зная, как лучше сказать, и поднял глаза на Илью, останавливая свое внимание на коротком, но широком шраме, разделяющем его правую бровь на две неравные части. Илья поддерживающе сжал его плечо, терпеливо ожидая ответа.

— Я не могу вспомнить родителей, — тихо сказал он, снова опуская глаза.

— Что? — не понял Илья.

— Я родителей не смог вспомнить. И я не помню, когда снял квартиру, в которой живу. Мне кажется, я ударился вчера, — сказал Птица громче. — Я не нашел в телефоне номеров мамы и папы. Может, залагало? Сделай что-нибудь.

Он закопошился в карманах джинсовки, доставая телефон и пытаясь сунуть его в руки странно замолчавшему Илье. Птица все еще не смотрел ему в глаза, в висках у него снова начинало гудеть.

— Сходи со мной к врачу, пожалуйста, — попросил он. — Илья?

В одной руке Птица все еще держал моргающий уведомлением телефон, другой ухватился за рукав Ильи, поднялся на ступеньку выше и заглянул в лицо друга. Тот все еще хмурился, удерживая Птицу на одном месте. Он перевел взгляд

с синюшной скулы Птицы на телефон в его руках и покачал головой — как будто сам себе.

— Илья? — еще раз дернул его Птица. — Ты чего?

— Птица, — наконец ответил тот, смотря ему прямо в глаза. — Не помню, чтоб ты хоть раз упоминал родителей.

Птица шарахнулся от него в сторону одним слитным движением, непонимающе вытаращив глаза. Но он должен же был что-то говорить о родителях! У него внутри свернулось смутное беспокойство, глаза застелило ватой облаков. Он попятился, стараясь не споткнуться на ступеньках за колонной. Илья все еще смотрел в его сторону, озадаченный и потерянный.

«Мне нехорошо, мне нехорошо», — рефреном проносилось у Птицы в голове. Он тонул в шуме галдящих студентов около кампуса, апрельское небо над его головой снова наливалось предчувствием скорого дождя. Вдруг Птица все же споткнулся о трещину в асфальте около серо-бетонной цветочной клумбы с расцветающими на ней фиолетовыми анемонами и чуть не упал, но такого нарушения общего галдежа хватило, чтобы распугать голубиную стаю, которую постоянно подкармливали около здания. Стая резко взмыла одним большим массивом, зашелестела десятками блестящих перьев, раздраженно закурлыкала и пронеслась прямо над Птицей, задевая его крыльями. Он судорожно попытался прикрыть руками макушку, пригнулся и отчего-то зажмурился. В одну секунду он пропал в птичьих крыльях, в другую ему вдруг стало казаться, будто эти крылья — его собственные.

Когда голуби улетели и двор погрузился в обычную какофонию голосов, Птица открыл глаза, выпрямился и, не оборачиваясь на друзей и семинар по Платону, унесся с университетского двора. Ни Илья, ни Лиза не стали его останавливать, только смотрели в его сторону, ошарашенно переглядываясь между собой.

Птице казалось, что всю дорогу до Покровки он бежал: так сильно кололо в боку, когда он наконец опустился на массивную лавку в знакомом дворе. В небе прогремело. Птица поднял глаза, напряженно всматриваясь в тучи. Его охватила паника — совсем как ночью, и он бы начал задыхаться, если бы не отвлекся на проходившую мимо знакомую фигуру.

— Простите! — крикнул он вслед девушке, с которой вчерашним вечером необдуманно поделился своей страстью к йогуртам в «Пятерочке» на углу. «Птица, ты норм? Мы же обычно так не делаем», — звенело у него в голове. Он отмахнулся от своего раздвоения личности, а девушка обернулась на его голос. По ее повороту головы и приподнятым бровям Птица сразу понял, что она никак не собиралась сейчас заводить разговор со случайными прохожими. Девушка остановилась в паре метров от него, поправила оттягивающую плечо холщовую сумку с красным графическим принтом и вопросительно дернула бровями:

— Доктор йогуртовых наук?

Она слегка улыбнулась. Птица, вскочив со скамейки, рассеянно мялся, открывая и закрывая рот, как двоечник на экзамене.

— Простите еще раз, я просто... — Он потер шею сзади и неловко зажмурился. Девушка хмыкнула, поджала губы и, кивнув, протянула ему руку.

— Надя, — представилась она. — Можно на «ты».

«Когда-нибудь я буду более уверенным, и у меня отвалится жопа», — подумал Птица, отвечая на рукопожатие.

— Птица.

— Птица? Это кличка? — спросила Надя. Птица непонимающе замялся, отпуская ее руку.

Дело в том, что Птица всегда был... ну, Птицей. В его голове эхом пронеслись голоса всех, кто когда-либо его так называл. Он был уверен, это — его имя. Никто никогда не просил пояснить его странность, наверное, поэтому Птица не так уж и много думал о том, как его называют. Все шло как надо.

Как надо? Надо кому?

— Нет, это мое имя, — ответил Наде Птица.

— Твои родители явно оригинальнее моих.

«Где мои родители?»

— Мне нравится твое имя, — сказал Птица вслух. Она окинула его взглядом.

— Мне тоже, но ты не можешь отрицать, что твое как минимум странноватое. У тебя в паспорте так и написано — Птица?

— В паспорте?

— Да...

Птицу охватило жужжание, казалось, в мозгу копошился рой толстых блестящих жучков, ползающих между его изви-